

Александр Ушаков

Крестные братья

Часть первая

Беспредел

Глава 1

Часы пробили четверть третьего... Али-ака поморщился. Вот уж воистину: ждуть да догонять... Не приведи Аллах! А уж в его-то деле...

Он налил в пиалу «Столичной» и быстро выпил. Закусывать не стал. Еда вызывала отвращение.

По телу пробежала приятная теплая волна, но расслабление не приходило. Слишком велико было напряжение, и слишком мала доза спиртного.

Не мудрствуя лукаво Али-ака налил еще водки, и в этот самый момент Фарах, огромная среднеазиатская овчарка, лежавшая у его ног, настороженно посмотрел в окно. Потом перевел взгляд умных глаз на хозяина, как бы вопрошая, что ему надлежит делать.

— Спокойно, Фарах! Спокойно!

Сделав собаке знак следовать за ним, Али-ака с неожиданной для его тучной фигуры легкостью поднялся со стула и вышел во двор.

Стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая воем шакалов. Но Али-ака не верил этой тишине. В любой момент она могла разорваться автоматными очередями. И не только там, на границе, но и в его залитом лунным светом саду.

Подойдя к потайной двери забора в глубине сада, он негромко спросил:

— Кто здесь?

— Тебе привет из Герата, Али.

Чайханщик открыл дверь, и в сад бесшумно проскользнули двое.

— Слава Аллаху! — с облегчением вздохнул Али-ака, задвигая засов. — Что-нибудь случилось, Джафар?

— Ничего, Али, — ухмыльнулся один из гостей, плотный высокий афганец с лицом, почти полностью заросшим щетиной, — все в порядке.

Больше он не произнес ни слова, и Али-ака не посмел его ни о чем расспрашивать. Да и какое ему было теперь дело, почему они задержались? Главное, пришли! А на остальное ему было наплевать...

Али-ака давно усвоил простую и в то же время великую истину. Чем меньше человек знает, тем крепче он спит. Эта истина имела к нему самое непосредственное отношение.

— Прошу в дом! — только и сказал он.

На кухне Али-ака быстро достал аптечные

весы и вопросительно взглянул на Джафара.

— Сейчас! — усмехнулся тот, обнажив крепкие белые зубы, хищно блеснувшие в заросшем черными волосами рту.

Расстегнув куртку, он достал из-под нее четыре целлофановых пакета, наполненных белым порошком, и положил на стол.

— Валяй! — все с той же улыбкой уверенного в себе хищника приказал он чайханщику.

Героина оказалось ровно два килограмма.

Закончив обряд взвешивания, Али-ака спрятал героин и весы и выдал Джафару две белые костяные бусины четок, служившие своеобразной распиской в приеме товара. Затем откуда-то из глубины халата достал плотную пачку долларов. Деньги за предыдущую партию.

Джафар два раза пересчитал их.

— Порядок! — ухмыльнулся он.

— Может быть, — взглянул на Джафара чайханщик, — попьете чаю?

— Нет, — покачал головой тот, — в следу-ющий раз!

Ничего не ответив, Али-ака пожал плечами. Как, мол, угодно. Но про себя подумал: по са-мому краю пропасти ходит этот Джафар, и любой неверный шаг грозит ему смертью. Желających заполучить ценящийся на вес золота героин предостаточно по обе стороны границы. Да и

обратное путешествие с толстой пачкой долларов особого удовольствия не обещает.

Проводив гостей, Али-ака вернулся в дом и выпил еще водки. Правда, теперь уже на радостях. Как-никак операция закончилась успешно, и очень скоро он получит причитающиеся ему башли. И до следующей ходки из Афганистана сможет спать спокойно.

Чайханщик взглянул на часы. Половина чет-вертого... Нет, сегодня уже не уснуть. Слишком велико было нервное напряжение, и слишком велика была теперь радость, чтобы завалиться спать. Сделав еще один большой глоток водки, он, основательно подогретый спиртным и появившимся желанием, отправился на женскую поло-вину.

Разбудив жену, Али-ака очень скоро позабыл и о недавних тревогах, и о хранившемся у него сокровище, и даже о предстоящем вознаграждении. Фатима творила в кровати чудеса...

Глава 2

Не многое дано нам предугадать в жизни. Ни то, как слово наше отзовется, ни к чему может в конце концов привести всего только один неверно сделанный шаг. Даже если он и делается к соседнему столику.

И все же Ветров знал, что он этот шаг сделает. Слишком уж хороша была Наташа.

Сидевшая за одним столиком с Наташей подруга также была очень заметна. Но — Наташа... Крепко постарался Всевышний! Не пожалел ни красок, ни души.

В наше-то время да о Гогене! Да еще по-французски! Что там говорить — приехали!

Слушавший Наташу француз тоже был удивлен. Правда, другим. Он никак не мог взять в толк, при чем здесь Таити?.. Дальше имени художника его познания в постимпрессионизме явно не простирались.

А когда Наташа изящно перешла от Гогена к Ван Гогу, в глазах француза светился уже самый настоящий испуг.

Оживился он только тогда, когда Наташа заговорила о стоимости картин. Тут все было понятно. Доллары... Единственная непреходящая ценность для всех времен и народов... И что по сравнению с ними какой-то там «Иисус в пустыне» и Сальвадор Дали.

— Первой картиной, перевалившей рубеж в сто миллионов старых франков, — с нескрываемой иронией глядя на почувствовавшего под ногами твердую почву француза, улыбалась Наташа, — стал у Гогена «Натюрморт с яблоками», купленный греческим судовладельцем Гунландрисом за сто

четыре миллиона...

— Представляю, — воскликнул пораженный торговец «сникерсами», — в какой роскоши жил этот Гоген!

— Нет, — покачала головой Наташа, — вы даже не можете себе этого представить...

— Да что вы говорите! — искренне изумился француз.

— Я говорю правду, мсье Николая.

— Особенно если добавить, — улыбнулся, вступая в разговор, Ветров, — что после «Натюрморта с яблоками» в Лондоне была продана в пятьдесят девятом году его «Ты ждешь письма?» за сто тридцать тысяч фунтов стерлингов, что составляло тогда около ста восьмидесяти миллионов старых франков.

— Да что вы говорите! — снова воскликнул непробиваемый мсье.

— Я говорю правду, мсье, — сказал Ветров, — а заодно прошу прощения, что позволил себе вмешаться в вашу беседу...

— Ничего страшного! — запротестовал француз, увидевший в Ветрове не только спасителя, но и напарника, ибо его интерес к девушкам шел намного дальше таинственного Ван Гога. — И если дамы не против, я прошу вас присоединиться к нам!

Дамы были не против.

Ветров не заставил себя просить дважды.

Впереди как-никак две недели, их надо чем-то занять. И эта Наташа стала бы достойной наградой за нерво-трепку последних лет. А если она еще и из Москвы...

— Меня зовут Валентин, — по-русски представился он.

— Наташа.

— Лена, — улыбнулась ее подруга.

— Николя! — протянул оказавшуюся довольно крепкой руку француз. — Вы тоже из России?

— Да, — снова перешел на французский Ветров, — имею такое счастье.

— Раз уж нас свела судьба на этом острове, название которого я до сих пор не могу выговорить, — продолжал француз, — предлагаю отметить наше знакомство шампанским! Как?

— Я согласен, — улыбнулся Ветров.

— Мы тоже! — ответила Лена.

Отмечали знакомство двумя «Вдовами Клико».

— Встречи с женщинами, — ораторствовал мсье Николя, — не только приятны, но и непредсказуемы, ибо никто не знает, чем они могут закончиться! Ну а знакомство с такими очаровательными девушками, как Натали и Элен, приятно вдвойне. Красота — всегда праздник! И я думаю, — он обратился к Ветрову, — мсье

Валентин поддержит мой тост. За красоту!..

— Которая, возможно, спасет мир! — поднял свой бокал Ветров, совсем не будучи уверен в том, что Николая знает, кому принадлежат эти слова.

И тот не замедлил подтвердить его предположение:

— Это вы здорово заметили, мсье Валентин! Просто здорово!

— С помощью классика, — негромко проговорила Наташа, одарив Ветрова ироничным взглядом своих потрясающих голубых глаз.

«Какими же должны быть эти глаза на море?» — подумал Ветров. Вслух же заметил:

— Что делать? На то они и классики, чтобы к ним обращаться. И Достоевский среди них далеко не последний...

Поскольку этот небольшой диалог велся уже по-русски, Николая обеспокоенно спросил, переводя взгляд с Ветрова на Наташу:

— Я что-нибудь не так сказал?

— Нет-нет, дорогой мсье Николая! — поспешил успокоить француза Ветров. — Все так! И мы с удовольствием выпьем за красоту, которой в мире, к сожалению, становится все меньше.

— И которая от этого, — грустно добавила Наташа, — становится только дороже. И... желаннее...

Когда с «вдовами» было покончено и отдана

дань приличию, Наташа сказала:

— Мы благодарим вас за великолепное утро, господа, но вынуждены откланяться. Нам надо отдохнуть и привести себя в порядок. До свидания!

Ветров молча поклонился.

— А мы можем на него рассчитывать? — несколько неуверенно спросил Николя, глядя почему-то на Лену, которая, как ему показалось, более благосклонно отнеслась к его ухаживаниям.

— Ну а почему же нет? — рассмеялась Лена. — Давайте встретимся около этого кафе часов в шесть. Да, Наташа?

— В шесть так в шесть, — равнодушно кивнула та.

В кафе было всего несколько мужчин. Но все они дружно проводили восхищенными взглядами подруг.

— Если мне удастся победить в этом заезде, — наконец нарушил затянувшееся молчание фран-цуз, — я выставлю вам, дорогой мсье Валентин, ящик лучшего французского шампанского.

— Остается только надеяться на это, — улыбнулся тот, протягивая Николя руку. — До вечера.

— Вы уже уходите? — удивился француз.

— Да.

— А я хочу выпить кофе... Может,

присоединиться? Выработаем общую тактику. Ведь вы, наверное, тоже не прочь поставить какой-нибудь залог? Или я ошибаюсь?

— Не знаю, Николая... — пожал плечами Ветров.

Ошарашенный таким ответом Ветрова, весь вид которого говорил о том, что он не блефует, француз только махнул рукой.

— До вечера.

Ветров не лукавил. Просто хорошо знал по собственному опыту, что в таких романах хороши только их начала.

Но когда Наташа не пришла на свидание, ему стало почему-то неприятно. В глубине души он ждал встречи с Наташей.

Как сказала Лена, ее подруга неважно себя чувствовала. И теперь им предстояло гулять втроем. Это Ветрову было уже совершенно ни к чему. И он, выдержав приличествующую моменту паузу, к радости рвавшегося проиграть шампанское француза, откланялся и медленно пошел к морю. Да, жалко, конечно... Он бы с удовольствием поговорил с Наташей обо всем том, о чем давно не доводилось говорить в Москве.

Ветров долго шел по пустынному пляжу, потом плавал во все еще теплой, несмотря на октябрь, воде и, наконец, блаженно развалился на песке.

Он смотрел в небо, по которому только в одном ему известном направлении плыли белые облака, причудливо меняя на ходу свою форму.

Только сейчас, лежа на этом пустынном пляже, он по-настоящему почувствовал, как устал за последние четыре года.

Ведь это был первый отпуск Ветрова за все это время. Начиная с «холодного», как он стал его про себя называть с недавнего времени, августа девяносто первого об отдыхе не могло быть и речи. Одна за одной шли реорганизации, а потом навалилась работа.

Впрочем, ну ее к черту, эту работу! Не хватало думать о ней еще и здесь, на Эгейском море...

Отдохнув, Ветров исполнил несколько тао. Прыгая и садясь в шпагат, он с удовольствием чувствовал, что его тренированное тело сохранило и силу и гибкость. Да и координация была на уровне.

Неожиданно он опять поймал себя на мысли о Наташе. Интересно, любит ли она спорт? Могли бы поиграть на пляже в волейбол или сходить на корты.

«Ничего, — вдруг как о чем-то решенном подумал он, — мы с ней обязательно во что-нибудь поиграем!»

Ветров встретил их утром, когда выходил из своего корпуса. Всех троих.

— А мы за вами! — улыбнулась Елена. —

Приглашаем вас на пляж! За ва?¹

— За ва! — кивнул Ветров. — Только возьму полотенце... Вы идите, я догоню!

Когда через минуту Ветров снова появился на улице, он, к своему удивлению, увидел одну Наташу.

— Я решила подождать вас, — улыбнулась она, — чтобы не мешать Николаю ухаживать за Еленой. Ведь у него остается всего два вечера, и он пошел в решительное наступление!

— Да поможет ему в этом благородном деле Господь! — усмехнулся Ветров, вспомнив испуг в глазах француза при упоминании имени Ван Гога.

— Не поможет! — покачала головой Наташа. — Даже если у него был бы впереди целый месяц!

Не желая обсуждать эту деликатную тему, Ветров спросил:

— А почему у него только два вечера?

— По той простой причине, что через день мы уезжаем. Ведь мы здесь в круизе. Из Греции мы направляемся в Стамбул, потом — в Иерусалим, и

¹ Годится? (фр .)

так далее...

Они сделали всего несколько шагов, как вдруг Наташа остановилась.

— Знаете что? — сказала она.

— Пока еще нет! — улыбнулся Ветров.

— Давайте погуляем по острову, а уж потом пойдём на пляж! Мне не очень хочется сидеть с этим мсье Николя! За ва? — подражая Елене, спросила она.

— За ва! — охотно согласился Ветров.

— Здесь где-то есть, — продолжала Наташа, — развалины какого-то древнего храма!

— Храма Афродиты.

— Остается только выяснить, как туда попасть?

— Если я не ошибаюсь, — Ветров указал рукой в сторону от дороги, ведущей на пляж, — нам надо идти вон туда.

— Тогда вперед! — взяв Ветрова под руку, улыбнулась Наташа.

— Не огорчайтесь, Наташа, — сказал он, когда они прошли метров тридцать, — в Стамбуле вы наверстаёте упущенное.

— Что вы имеете в виду? — удивленно взглянула на него девушка, поскольку его слова прозвучали двусмысленно.

— Храмы, конечно! — поспешил пояснить Ветров. — Там их больше, чем где бы то ни было!

И один прекраснее другого...

— Но Святая София, надеюсь, вне конкуренции?

— Конечно, — кивнул головой Ветров, сворачивая с асфальтовой дорожки на проселочную, усыпанную мелкой галькой.

— А вы сами видели ее? — спросила Наташа.

— Да.

— Тогда расскажите мне о ней!

— Это бесполезно! — рассмеялся Ветров. — Проще, наверное, описать радугу или северное сияние! Тем более что вы сами через пару дней увидите эту церковь. А я лучше расскажу вам легенду о создании Святой Софии. Хотите?

— Конечно!

— Святую Софию построил Юстиниан, — начал Ветров, — пожелав таким образом не только увековечить себя в истории, но и затмить этим собором все созданное до него. О том, какой должна быть церковь, императору во сне рассказал ангел. Строил Юстиниан свою Святую Софию целых шесть лет. И в конце концов достроился до того, что решил вымостить в ней пол золотыми плитами. И его едва удалось отговорить от этой затеи. Ведь денег в казне к тому времени почти не оставалось, и даже чиновникам перестали платить жалованье. Но и без золотого пола в церкви было на что посмотреть! И когда сам Юстиниан вошел в

храм в день его освящения, он, изумленный увиденным, воскликнул: «Соломон! Я превзошел тебя!» Ну а в том, насколько император был прав, — закончил свой рассказ Ветров, — вы скоро убедитесь сами...

По пыльной белой дороге они взошли на довольно высокую гору, где и находился храм Афродиты. Их взорам представилось несколько полуразрушенных мраморных колонн, обвитых плющом и дикими розами, и две такие же полуразрушенные стены, по которым шныряли изумрудно-зеленые ящерицы.

И глядя на царившее сейчас запустение, было даже трудно представить, что когда-то здесь лилось вино и пелись песни во славу жизни...

«Все пройдет» — было написано на перстне царя Соломона. И мудрый царь был прав. Все, что имеет на этом свете рождение, рано или поздно превращается в тлен. «Всему, — как вторил Соломону не менее мудрый Экклезиаст, — свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать, время насаждать, и время вырывать посаженное...»

Все так. Сначала исчезли веселые элины, потом постепенно с лица земли сходят построенные ими храмы. А рано или поздно наступит и тот день, когда и сама Земля навсегда уйдет в небытие, ибо ни-что не вечно под луной...

Попав из мира настоящего в мир давно ушедший, и Наташа и Валентин, стоя у полуразвалившихся мраморных колонн, долго молчали, думая, видимо, об одном и том же. О великом смысле жизни и о ее непостижимой бессмысленности. Ведь на кладбищах всегда думается о подобных вещах.

— И все это, — наконец нарушил торжественное молчание разрушенного храма Ветров, — суета и томление духа...

Наташа взглянула на него, но ничего не сказала. Да и что можно было добавить к столь точным по отношению к нашему бытию словам?

Ничего. Все правильно: суета и томление духа...

С горы, на которой возвышался храм, открывался великолепный вид на море.

Подойдя к самому обрыву, они, к своему изумлению, обнаружили могильную плиту, на которой вместе с православным крестом была выбита следующая надпись:

ЗДЕСЬ НАШЕЛ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ
УСПОКОЕНИЕ

ПОДПОЛКОВНИК РУССКОЙ АРМИИ
АНДРЕЙ ФИЛИППОВИЧ ВЕРКОШАНСКИЙ,
УМЕРШИЙ ОТ ТОСКИ ПО РОДИНЕ
В 1925 ГОДУ.

Бог ведает, какими неисповедимыми путями попал на этот забытый Богом греческий остров русский подполковник Веркошанский и сколько ему пришлось выстрадать, прежде чем придумать самому себе подобную эпитафию.

Впрочем, Бог тут ни при чем. Революция, словно осенний ветер листья, разметала по всему свету от Парижа до Шанхая белую гвардию. И там, в парижских и шанхайских кабаках, обливалась она под балалаечный звон горячими слезами по родным русским березам и широкому снежному полю, по которому мчалась когда-то на удалых русских тройках, не ведая о том, что существуют на свете РСДРП и Интернационал...

— Валя, — едва сдерживая слезы, проговорила Наташа, — мы обязательно вернемся сюда и принесем цветы.

И Ветров, понимая, что Наташа поймет все как надо, положил ей на плечо руку и слегка прижал ее к себе.

Так простояли они несколько минут. Потом, по-клонившись праху этого русского человека с изломанной, как и у большинства настоящих русских, судьбой, медленно пошли прочь.

— Скажи мне, — переходя на «ты», спросила Наташа, когда они прошли метров сто, — ради чего гибли все эти люди?

Если бы только Наташа знала, сколько раз задавал себе этот вопрос Ветров с того самого дня, когда по-настоящему заинтересовался историей. И действительно, за что умирали русские офицеры?

Говорят, за Россию. Только вот за какую? Ведь у каждого была своя, собственная Россия...

Это теперь, спустя чуть ли не восемь десятков лет, легко рассуждать, кто был прав, а кто нет. Хотя даже и сейчас у каждого мало-мальски грамотного человека, знакомого с историей России, есть своя точка зрения и на русскую революцию, и на русское офицерство.

Конечно, русские офицеры сражались за Россию дворянскую, не понимая того, что вишневым сад давно уже отцвел и заложен. Их чаще всего трагическая судьба должна восприниматься как часть трагической судьбы самой России, страны, которая по количеству выпавших на ее долю и пережитых ею испытаний давно уже должна быть зачислена в лоно святых.

Да, Ветров многое понимал в истории России и знал, что большинство таких вот Веркошанских погибло зря. Но тем не менее при словах «белая гвардия» ему всегда становилось грустно, как бывает грустно на кладбище, где лежат близкие люди. И точно такую же грусть он испытывал и сейчас, стоя у этой потрескавшейся могильной плиты с выбитым на ней православным крестом.

Однозначно ответить на вопрос Наташи Ветров не мог, а говорить обо всем том, что пронеслось у него сейчас в голове, ему не хотелось даже с нею. И потому он сказал:

— Я бы мог назвать тебе тысячи причин, но ни одна из них не поможет понять всего этого... Мне кажется, что надо было просто прожить жизнь ну хотя бы подполковника Веркошанского. Только человек, который сам себе написал подобную эпитафию, смог бы ответить на этот вопрос...

— Наверное, ты прав, — качнула головой Наташа, — подобное надо пережить...

Почти до самого пляжа они молчали. И тем не менее у Ветрова родилось ощущение, что эта прогулка к развалинам древнего храма и особенно одинокая и забытая всеми могила русского офицера сблизили их.

— А мы думали, — улыбнулся лежавший рядом с Еленой на огромном разноцветном полотенце мсье Николя, — что вы уже не придете!

— Мы были в храме Афродиты, — ответил Ветров, искоса поглядывая на раздевавшуюся Наташу.

То, что он увидел, превзошло все его ожидания. Такой, наверное, и была та самая Афродита, храм которой они только что посетили.

Впрочем, и Лена мало в чем уступала ей.

Направляясь к воде вслед за подругами,

Ветров залюбовался ими. Да, что там говорить, хороши...

Наташа не только обладала великолепной фигурой, но и прекрасно плавала. Не сговариваясь, Ветров с Наташей заплыли далеко в море, оставив позади не рискнувших следовать за ними Николая и Елену.

Когда же они вернулись на берег и, усталые, развалились на широком полотенце под все еще жарким, несмотря на октябрь, греческим солнцем и Ветров, оказавшись в устрашающей близости от Наташи, окунулся в бездонный омут ее голубых до невероятности глаз, он вдруг отчетливо понял, что просто так расстаться с нею ему не суждено.

Глава 3

Оказавшись после трехсуточного путешествия в спальном вагоне скорого поезда «Саранск — Москва» на Комсомольской площади, Анатолий Кесарев вдруг отчетливо почувствовал: его пасут.

Ошибиться он не мог. Слишком хорошо ему был известен тот холодок в спине, когда на нее постоянно устремлен чей-то напряженный и враждебный взгляд.

Но пока он мог только догадываться, кому этот взгляд принадлежит. Конечно, его могли пасти и менты, которым было бы весьма интересно

узнать, куда направит после освобождения свои грешные стопы знаменитый Толя Бес. Именно под этой кличкой прославился в уголовном мире Анатолий Николаевич Кесарев. Только какая в этом была необходимость? На Петровке работали далеко не дураки, да и не до него им сейчас.

Но если его пасли не менты, то, значит, это были свои. Для ЦРУ или Моссад Бес пока никакого интереса не представлял...

Правда, сразу же возникал другой вопрос. Зачем? Ведь он только «откинулся» и никому еще не успел перебежать дорогу.

Впрочем, что гадать? Кто да зачем? Раз пасут, значит, им это надо! Хотя — зачем, понятно. Выяснить, куда он пойдет, либо... разделаться с ним.

И поскольку первое представлялось совершенно неправдоподобным, то оставалось предположить второе.

Впрочем, Бес всегда предпочитал исходить из самого худшего. Это концентрировало и волю и силы и не раз помогало ему в те моменты, когда жизнь висела на волоске.

Если его хотят все-таки убрать, то вряд ли будут стрелять на Комсомольской площади. Хотя кто знает... Ведь сейчас, насколько ему было известно по рассказам с воли, в Москве вовсю палили средь бела дня чуть ли не у самого Кремля,

ничуть не смущая этим его хозяев.

Но понапрасну рисковать никто не будет. И это тоже однозначно. А раз так, то скорее всего доведут его до какого-нибудь тихого места и там сведут с ним счеты.

И не заметь он пасущих, сам бы облегчил их задачу, поскольку с вокзала собирался ехать к себе домой, на Преображенку, где в течение всех этих восьми лет простояла пустой его двухкомнатная квартира.

Сдавать квартиру он так и не захотел. Даже сама мысль о том, что его вещами будут пользоваться чужие люди, была ему неприятна. А те жалкие крохи, которые он получил бы, мало волновали его. Даже сейчас у него «на кармане» лежали пять тысяч долларов с «общака»...

Конечно, он может не только не доехать до дома, а даже и не дойти до метро. Но не стоять же на перроне до вечера. Тогда его точно грохнут здесь. И он медленно направился к входу в метро с Казанского вокзала.

Почти восемь лет он не видел Москву и много слышал в колонии о том, во что превратили торгошаи столицу. Но увиденное превзошло его ожидания.

Вся площадь была забита торгующими людьми. И эта спекулирующая колбасой, колготками, конфетами, кроссовками и водкой

братия являла собой настоящий Клондайк не только для воров. Стоило какому-нибудь блюстителю порядка нахмурить брови и протянуть руку к рации, как перепуганный торгош безропотно протягивал мзду.

А какая была здесь грязь! Правда, Комсомольская площадь и раньше особой чистотой не отличалась, но такого на ней все-таки не было.

С трудом пробившись сквозь торгующие орды ко входу в метро, Кесарев подошел к кассам и купил два жетона.

Пройдя турникет, он спустился на платформу и направился туда, где останавливался первый вагон в сторону станции «Преображенская площадь». Именно тут он и собирался вычислить тех, кто следил за ним.

На платформе ему повезло. Здесь стояло несколько милиционеров, и это исключало возможность немедленной расправы.

Через полминуты он вычислил пасших его.

Двое в черных кожаных куртках и джинсах мало чем отличались от других молодых людей. Если бы не всего только единственный взгляд, брошенный одним из парней на Кесарева.

Но проверить их все же не мешало. И когда подошел забитый, словно в фильме о гражданской войне, поезд, Бес в последний момент «раздумал» бороться с невероятным количеством мешочников.

Парням в кожаных куртках попасть в вагон тоже почему-то не удалось.

Следующий поезд оказался на удивление пустым, и Кесарев даже уселся рядом с какой-то дородной дамой, которая сразу же принялась стрелять в него накрашенными до безобразия глазами.

Парни стояли метрах в шести и о чем-то переговаривались. На него они больше не смотрели, справедливо полагая, что из движущегося вагона метро их жертве даже при всем желании некуда деться.

И Кесарев впервые пожалел о том, что не взял с собою никакого оружия. Ведь на зоне ему предлагали отличный «браунинг». Но тащиться с зоны с пистолетом в кармане не очень-то хотелось. Ведь чуть что — и назад!

А этого ему ох как не хотелось! И хотя жизнь на зоне «вора в законе» значительно отличается от жизни какого-нибудь там «мужика», нахлебался он этой жизни предостаточно.

Но человек только предполагает... Теперь придется вести этих парней в Сокольники и там что-то предпринимать. Не подставлять же свой лоб под пулю через три дня после освобождения?

Так он и сделал. Выйдя из метро, медленно направился по аллее ко входу в парк.

Бес родился и вырос на Преображенке и

по-своему любил Сокольники, с которыми было связано почти все его детство.

Здесь он впервые вышел на футбольное поле на знаменитой Ширяевке. Сюда он приезжал в три-дцатиградусный мороз смотреть хоккей. Здесь устраивал разборки с приезжими. И даже в милицию впервые попал именно в Сокольниках. Одним словом, это была его родина.

И теперь эта родина, как и Комсомольская площадь, неприятно поразила его. Огромное количество торгующих людей и такая же грязь... И бесконечные ларьки, забитые самой что ни на есть низкосортной продукцией... Русь все стерпит, только давай!

Пошел мелкий осенний дождь, и Кесарев поднял воротник дорогого кашемирового пальто, купленного в такой же ларьке на вокзале в Саранске, в котором раньше никто и слыхом не слыхивал об Италии.

Неожиданно Кесарев вспомнил, как он возвращался в Москву после своей первой «ходки» в теперь уже далеком семьдесят втором году. Ватник, да сапоги, да сто пятьдесят рублей в кармане. Вот и все его тогдашнее богатство.

Правда, тогда он еще не был тем Бесом, одно только имя которого с начала восьмидесятых годов заставляло хмуриться оперов с Петровки и было в авторитете на многих зонах.

Что ж, все течет, все меняется...

Тем временем развязка приближалась. Парни находились от него на расстоянии каких-то двадцати метров, выбирая, видимо, удобный момент для стрельбы. Они и на самом деле решили покончить с клиентом «без шума и пыли». Да и зачем шуметь в центре столицы, когда клиент сам привел их в парк?

Еще каких-то тридцать метров и... с Бесом поравнялся явно поддатый мужчина. Неожиданно вытащив из внутреннего кармана пальто початую бутылку коньяка, он протянул ее Бесу.

— Выпей! — широко улыбнулся он. — За мое здоровье!

— Нет, спасибо! — покачал головой Кесарев, краем глаза наблюдая за замедлившими шаг парнями.

Стрелять заодно и в пьяницу, который автоматически превращался в свидетеля, у них не было особого желания. Да и кому нужна лишняя работа?

— Ну и черт с тобой! — с неожиданной злостью выругался незнакомец с бутылкой и сделал из нее большой глоток. — Сам выпью!

— Дай мне лучше прикурить! — нарочито громко проговорил Кесарев.

— Не дам! — все с той же злостью ответил мужчина, пряча бутылку в карман.

Судя по его тону, он был крайне обижен отказом.

— Вон у них спроси! — неожиданно указал он рукой на находившихся уже метрах в пяти от Кесарева парней. — Тоже, наверное, непьющие!

— Правда, парни, — улыбнулся, поворачиваясь к ребятам, Кесарев, — может, у вас найдется прикурить?

— Найдется, — кивнул один из них, более высокий и плотный, нежели его спутник, и опустил руку в карман куртки.

И тут случилось непредвиденное и для мужика с бутылкой, и для парней. Кесарев практически без замаха ударил полезшего в карман ногой в пах и одновременно нанес страшный боковой удар правой рукой его приятелю в челюсть.

Трудно сосчитать, сколько раз он отработывал на зоне эту простую, но в высшей степени эффективную комбинацию, но провел он ее блестяще. Оба парня рухнули как подкошенные. Причем тот, которого Кесарев ударил ногой, корчился от боли, а его приятель распластался на мокром асфальте в глубоком нокауте.

Противник же курения, опасаясь, как бы не досталось заодно и ему, ретировался с места происшествия с неожиданной для пьяного человека скоростью.

Пользуясь полной беспомощностью своих противников, Бес быстро обыскал их. У обоих он нашел никогда не виданные им «иномарки» с длинными глушителями.

— Вставай! — спрятав один ствол во внутренний карман пиджака, а другой опустив в карман пальто, коротко приказал Бес все еще воющему от боли парню, которого ударил ногой, глядя на него сверху вниз.

— Я... я не могу... — прижав обе руки к паху, проскулил тот.

— Вставай! — повторил Бес таким тоном, что тот, продолжая охать и стонать, кое-как поднялся на ноги.

— Садись на лавку, — приказал ему Касарев, — и не двигайся! Попытаешься убежать, пристрелю!

С трудом сделав несколько шагов, парень скорее рухнул, нежели сел, на усыпанную желтыми листьями мокрую лавку.

— Ну что, пришел в себя? — обратился Бес к нокаутированному киллеру, который уже сидел на земле и тупо смотрел по сторонам.

Не проронив ни слова, тот медленно и трудно поднялся на ноги. А когда он наконец принял вертикальное положение, его шатнуло и повело в сторону.

Схватив парня за рукав, Кесарев подвел его к

лавке и усадил рядом с полулежащим на ней подельником.

Пока те окончательно приходили в себя, он выкурил сигарету. Да, он не ошибся. Его пасли «свои». Никаких красных книжечек у парней он не нашел. Отбросив окурок в поблекшую мокрую траву, он взглянул на парней.

— Вы знаете, кто я? — спросил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Нет... — в один голос поспешили ответить те, и у Кесарева не было оснований им не верить.

— А кто вас послал?

— Куда? — попытался изобразить недоумение парень, которого Бес ударил ногой.

— Если ты, крыса, — не повышая голоса, произнес Кесарев таким тоном, что парень вздрогнул, — будешь лепить горбатого, я пристрелю тебя на этой скамейке! Как и тебя! — добавил он, переводя взгляд на его напарника. — Кто послал вас?

Понимая, что этот, по всей видимости, очень крутой мужик шутить с ними не будет, парни переглянулись. Потом нокаутированный сказал:

— Самих заказчиков мы не знаем... На нас выходил посредник.

— И сколько же вам дали за меня? — насмешливо спросил Кесарев.

— Три штуки...

— Немного! — усмехнулся Бес. — Я стою куда дороже!

Парни молчали, не зная, что отвечать. На их лицах застыло выражение ужаса. Одно дело убивать других, и совсем другое — самим сидеть под направленными на них дулами двух стволов. До них наконец-то дошло, что перед ними стоял один их тех, чьи имена в определенных кругах произносятся чаще всего с почтением и страхом.

Молчал и Кесарев. Он не испытывал к этим щенкам ни злости, ни жалости. Это была их работа: убивать за деньги неугодных кому-то людей.

— Вы уже получили деньги? — продолжил он допрос.

— Аванс... — пролепетал нокаутированный.

— Штуку! — поспешил уточнить его подельник, как будто Бесу могло стать легче, узнай он сумму аванса.

— А когда должны получить остальные? — в упор посмотрел на него тот.

— После того как мы... — начал было парень, но вспомнив, с кем он говорит, тут же осекся.

— Продолжай! — властно произнес Бес.

— Мы должны сразу же ехать домой... — потупился тот. — В четыре часа нам будут звонить.

— Кто вам меня показал?

— Посредник.

Бес взглянул на часы. Половина второго... До

контрольного звонка оставалось еще много времени.

— Где ты живешь? — взглянул он на того, кому должны были звонить.

И когда тот назвал адрес, Бес сказал:

— Сейчас мы поедem к тебе. И без фокусов! Пристрелю на месте! — Помолчав, он для еще большего устрашения добавил: — Мне терять нечего...

Глава 4

Всю дорогу до «Речного вокзала» Хрип раздумывал над тем, что же ему все-таки делать. Ведь далеко не случайно Мореный вместе с двумя шутками выдал ему и карт-бланш: «Решай сам...»

Вот он и решал. Его мало волновала жизнь парней, которым он вез деньги. А вот о собственной безопасности подумать было надо.

Впрочем, ничего страшного. Выходил и не из таких переделок. А тут... Пришить двух ничего не подозревающих лохов? В общем-то раз плюнуть!

И дело даже не в двух тысячах, которые Мореный, по сути дела, позволил ему взять себе. Виталий хорошо понимал, что главное для него — устранение этих ребят. Они работали с Мореным уже не в первый раз, и Мореный, видимо, решил на всякий случай перестраховаться. А значит,

подстраховать и его...

Что ж, все правильно. Береженого Бог бережет.

Впрочем, что ему разгадывать причины, побудившие Мореного убрать ребят, которые отправили на тот свет Беса. Ему надо было как можно быстрее определиться самому.

С Бесом у него были старые счеты. И в тот самый день, когда на одной из разборок Кесарев отхлестал его по щекам, он поклялся отомстить ему. И когда Мореный предложил ему убрать Беса, он только обрадовался.

Ладно, черт с ними, и с Бесом, и с этими щенками: две тысячи баксов не помешают.

Один из подрядившихся на убийство Кесарева парней жил рядом с динамовским Дворцом спорта на улице Лавочкина. Понятно, к самому дому Виталий подъезжать не стал. Оставив машину рядом со станцией метро, он сел в автобус.

Выйдя через две остановки, Хрип направился к нужному ему дому. На его счастье, у подъезда никого не было, поскольку дождливая погода не располагала сидящих обычно у подъездов старух отважиться выползти на улицу.

Поднявшись на десятый этаж, Виталий позвонил в нужную ему квартиру. Дверь открыли почти сразу. Правда, Виталию показалось, что на лице открывшего застыло какое-то странное

выражение.

Не придав этому особого значения, он прошел в комнату, где его ждал второй киллер. И этот пребывал, судя по всему, в мрачайшем настроении.

— Как дела, мужики? — спросил Виталий, обращаясь сразу к обоим.

— Хорошо дела, Хрип, — неожиданно ответил ему чей-то удивительно знакомый голос.

Повернувшись, Хрип, к величайшему своему изумлению, увидел стоящего с пистолетом Беса.

Правда, в следующее мгновение к этому изумлению прибавился страх. Если эти козлы раскололись, то ему крышка. Уж кто-кто, а Бес не простит подобной выходки. Да и кто на его месте простил бы?

А козлы, конечно, раскололись...

— Подними руки! — приказал Бес, и Виталий беспрекословно исполнил приказ. — А теперь, — продолжал тот, — подойди к стене и положи руки на нее!

Когда Хрип застыл с поднятыми руками у стены, Бес быстро подошел к нему и обыскал. Вытащив из кармана Хрипа небольшой «браунинг», он засунул его себе за пояс.

— Садись! — кивнул Бес на стоявшее у стены кресло. — Поговорим.

Вот чего-чего, а говорить с Бесом у Хрипа

желания не было. Никакого.

— Так как, Виталик? — насмешливо спросил Бес, играя зажатым в руке пистолетом.

Одним из тех двух, которые неделю назад Хрип сам положил в камеру хранения Белорусского вокзала.

Виталий смотрел в холодные глаза Беса и думал о том, сколько ему осталось жить. Минуту, две... час?.. А если попытаться поиграть с ним? Хотя какие, к черту, могут быть с Бесом игры? А если все-таки попробовать? Поломаться для виду, а потом сдать Мореного? И если он возьмет его с собой в качестве, так сказать, вещественного доказательства, то...

Впрочем, ему ничего другого и не остается. Не подставлять же так бездарно свой лоб под пулю! Бес выстрелит и не поморщится. А умирать Хрипу ох как не хотелось!

— Я не понимаю, Толя... — начал было он, но Бес, по лицу которого пробежала тонкая улыбка, спустил курок, и одному из его несостоявшихся убийц уже не суждено было самому подняться с кушетки.

Второй киллер еще сильнее побледнел и для чего-то закрыл руками грудь, словно это могло спасти его от пули. Нижняя челюсть у него отвисла и мелко подрагивала. Как замороженный он смотрел на дуло пистолета.

«Предупреждение» подействовало. И дальше искушать судьбу Хрип был не намерен.

— Послушай, Толя, — произнес он голосом, за который и получил свою кличку, поскольку в минуты волнения всегда хрипел, — я все скажу, но я здесь ни при чем. Мне приказали, и я исполнил!

— А кто приказал-то, Виталик? — улыбнулся Бес.

Хрип перевел дыхание и, сглотнув комок, выдавил:

— Мореный...

— Мореный? — удивленно поднял брови Бес.

— Да, Толя, он! — уже тверже проговорил Хрип, начиная надеяться на удачу.

Но Бесу было уже не до него. Его мысли крутились вокруг бывшего помощника, решившего отпраздновать его освобождение таким весьма своеобразным способом.

Почему он решил разделаться с ним именно сейчас? Боялся? Но чего? Ведь принадлежащие Бесу деньги он давно переслал в колонию... Значит...

Ничего это, впрочем, еще не значило. Надо колоть самого Мореного...

— Ты на чем приехал? — взглянул Бес на Хрипа.

— На тачке, — с готовностью ответил тот. — Правда, я оставил ее у метро!

— Черт с ней! — продолжал Бес. — Позвони Мореному и скажи, что сейчас приедешь. Он ждет твоего звонка?

— Да, — с затаенной радостью подтвердил получивший отсрочку Хрип.

— Тогда звони!

Неверной рукой Хрип набрал номер Мореного и, стараясь придать голосу естественность, проговорил:

— Это я. Я все сделал. Но надо срочно поговорить! Кое-какие осложнения. Да, сейчас приеду!

Положив трубку, Хрип с трудом перевел ды-хание.

— Он ждет...

— Идем! — кивнул Бес и, почти не целясь, выстрелил во второго парня.

Убедившись, что тот мертв, он взглянул на Хрипа:

— Деньги!

Тот покорно вытащил из кармана кожаной куртки конверт с долларами.

Разделив их на две равные части, Бес безглаголиво бросил деньги на трупы.

Он недаром слыл за в высшей степени справедливого авторитета. И «по справедливости» отдал эти деньги тем, кому они предназначались...

Это было красиво. И хмуро наблюдавший за

ним Хрип не мог не отметить широту этого жеста. Он бы так не поступил.

Глава 5

Леонид Афанасьевич Каракозов положил телефонную трубку и поморщился. Какие еще, к чертям собачьим, могут быть осложнения? Дело выведенного яйца не стоит!

Он не сомневался, что Хрип уберет этих ребят. Теперь хорошо бы освободиться и... от него самого. Мавр свое дело сделал...

Кто знает, какой расклад ждет Мореного завтра? И оставлять на руках Хрипа козырного туза он не имел ни малейшего желания. Чуть что, и тот заложит его со всеми потрохами.

А как здорово все начиналось!

Созданная Бесом бригада по угону и продаже машин в Среднюю Азию работала как часы. Плыла себе по Волге-матушке баржа и плыла. И никому даже в голову не приходило, что внутри нее, в специально оборудованном цехе, полным ходом шла работа по перекраске машин и перебивке номеров на деталях. Но, как говорится, хорошенького понемножку.

Нет, вышедший на него чьими-то стараниями мент не пугал его, а просто предложил выбирать. И Мореный выбрал... В результате этого выбора

баржа, подобно славному крейсеру «Авроре», встала на вечную стоянку, а Бес отправился в Мор-довию.

Все эти восемь лет Мореный прожил как на иголках. Его благодетель наглед на глазах. А потом и вовсе начал зарываться. Но стоило Моренному только раз возмутиться, как на смену прянику сразу же пришел кнут.

Чем он, Каракозов, собственно, недоволен? Вот Анатолию Николаевичу Кесареву действительно не повезло... Мордовия, конечно, далеко, но полнится слухами земля-то, и еще как полнится! А ну как дойдет один из них до Беса? Что тогда? Не лучше ли уж потерпеть? Не он первый. И не такие терпели...

И Мореный терпел. А что еще делать? Против лома нет приема. А желающего быть поставленным на ножи Мореный еще не встречал. На разборке не будут выяснять, почему ты стал «ссученным», а просто разрежут на куски. Как и не было.

Ладно, с этим все! Было и бывшем поросло... А с Хрипом он успеет разобраться.

Каракозов достал запотевшую бутылку пива. Открыв, надолго приложился к горлышку. Даже сейчас он не изменял любимым «жигулям». Потом достал «беломорину». Все эти «кенты» и «мальборо» ему тоже были не по вкусу.

Хрип явился в семь. Мореный долго лязгал

запорами тяжелой бронированной двери, которую вряд ли бы взял даже автоген.

А вот Бес взял... Усадив «корешей» на диван, он насмешливо взглянул на сразу же осунувшегося Мореного.

— Продал, сука! — с ненавистью взглянул тот на примостившегося рядом с ним Хрипа.

— Он не продавал тебя, Леня, — покачал головой Бес, — а уступил силе.

Этого Мореному объяснять было не надо.

— А продал-то, Леня, ты, — продолжал Бес уже без усмешки.

Каракозов метнул на Беса быстрый взгляд. «Неужели знает? Неужели уже стукнул благодетель? Впрочем, какая разница, знает, не знает... Так или иначе — каюк!»

— Так как, Леня? — доставая левой рукой сигарету из кармана пиджака, спросил Бес. — Расскажешь?

Мореный не отвечал. Он лихорадочно размышлял.

«А может, как-нибудь... того... усыпить бдительность, да и самого его? Вместе с этим щенком. Связался на свою голову! Не захотел рук марать! Позабыл, с кем дело имеет!»

— Будешь молчать? — слегка наклонил голову Бес. — Ну, смотри, дело твое... А то, может, пойму!

Понять-то поймешь. Чего тут не понять? Самому на зоне пыхтеть неохота, вот и послал кореша. Да толку-то от такого понимания...

Нет, Беса ему не обмануть! Все, зараза, насквозь видит! И если говорить, так говорить правду! Хуже все равно не будет! Да и лучше тоже...

— Зажали меня... — стараясь не смотреть Бесу в глаза, едва слышно произнес Мореный.

— Менты? — презрительно прищурился Бес.

Каракозов вздохнул.

— Это я, значит, по твоей милости восемь годков из жизни вычеркнул? — В голосе Беса зазвенел металл.

Покрывшийся смертельной бледностью Мореный молчал. Но Бес уже и не нуждался в его ответе. И раздавшиеся в следующее мгновение два сухих хлопка унесли с собою две жизни, для чего-то все-таки дарованные этим людям Богом...

Глава 6

Григорий Александрович Битман припарковал свой «мерседес» и, кивнув охранникам, важно прошествовал к дому. И эта важность, с которой он в последнее время делал почти все, шла ему самым удивительным образом. Являя собою на пороге шестого десятилетия яркий пример ухоженного

мужчины, Битман и выглядел соответственно.

С холенным и достаточно тренированным телом, над которым три раза в неделю трудились массажисты и два — банщики, Григорий Александрович, с его крупной головой и пышной пепельной шевелюрой, выглядел весьма импозантно. А если ко всему этому добавить еще и великолепно сидевшие на нем костюмы, то его вполне можно было снимать для журнала «Деловые люди». Только вот сниматься Григорий Александрович при всей своей импозантности не любил. С той самой минуты, когда молчаливый работник органов внутренних дел увековечил его портрет анфас и в профиль для картотеки Московского уголовного розыска...

Впрочем, к шумной славе он не стремился никогда. Да и тот род деятельности, который избрал себе Григорий Александрович, никак не располагал к саморекламе, поскольку всю сознательную жизнь Битман посвятил самообогащению. Причем способами, которые почему-то всегда находились в крайнем противоречии с действующим законодательством.

Ловкий и смысленый от природы, Григорий Александрович, будучи еще просто Гришей, раз и навсегда решил, что строительство коммунистического общества и он — вещи диаметрально противоположные. И в полном

соответствии со своим мировоззрением выбрал себе профессию зубного техника, которая не только удивительно шла к фамилии, но и приносила хороший гешефт... Врачом он быть не захотел. Да и зачем? Пусть другие ковыряются в чужих ртах. А он будет иметь дело с тем самым металлом, из-за которого вот уже столько тысяч лет гибли люди.

И работать с этим металлом Битман научился виртуозно. Он никогда не опускался до примитивного обвешивания. К чему? Ведь существовали сотни других способов. Скупка краденого золота в том числе...

Эта скупка и привела его в конце концов в те самые места, которые почему-то принято именовать «не столь отдаленными». И Битман провел в этих «не столь отдаленных» целых пять лет из своей золотой в полном смысле этого слова молодости.

Отмотав срок, он вернулся в первопрестольную, и его сразу же взял к себе в дело некто Фишман, тоже золотых дел мастер, с которым он не один год хлебал бок о бок лагерную баланду.

Правда, теперь Гриша уже не отливал из ворованного и купленного в полцены золота коронки и мосты. Для этого были люди попроще. Он занимался антиквариатом. Да так, что по прошествии всего трех лет ему удалось сколотить приличный капитал. А капитал, насколько Битман

знал из марксизма, ну просто обязан был приносить еще больший капитал, или, иными словами, прибыль...

Григорий Александрович занялся шейлокством. Понравилось ему почему-то это дело. И весьма процветал. Пока на него не «наехал» известный в Сокольниках беспредельщик. И кто знает, чем бы для него закончился этот «наезд», если бы не...

— Здравствуй, Гриша! — вдруг услышал уже подошедший к своему подъезду Битман хорошо знакомый голос.

Он быстро повернулся и, к своему великому удивлению, увидел... улыбающегося Беса.

— Ты?! — не скрывая изумления, воскликнул он.

— На этот глупый вопрос, — со своей обычной иронией ответил Кесарев, — мне остается дать только еще более глупый ответ... Да, Гриша, это я!

— Боже ты мой, — слегка обнял Кесарева Битман, — как быстро летит время!

— Это оно для тебя тут быстро летит, — насмешливо заметил Бес. — Ты один дома?

— Да, — кивнул Битман. — Жена на даче.

— Что же ты тянешь с приглашением?

— О чем ты говоришь, Толя? — воскликнул Григорий Александрович, умело пряча то

отчуждение, которое естественно даже для хорошо знакомых людей, не видевшихся восемь лет. — Идем!

Подойдя к квартире, он долго не мог открыть какой-то сверхсложный замок. Кесарев поморщился:

— Да успокойся ты!

Справившись с запорами, Битман сделал широкий жест рукой:

— Заходи, Толя!

Оказавшись в просторной прихожей, Кесарев снял пальто и разулся.

— Тапочки там! — указал Григорий Александрович на низкую полку из красного дерева с тонкой и замысловатой резьбой.

— Ничего, — махнул рукой Кесарев, — я так похожу.

Они прошли в просторный зал. В свое время Битман поломал голову над его обстановкой. И не зря...

Большой стол из карельской березы, на котором стояла огромная хрустальная ваза с розами, восемь красивых кресел вокруг него, великолепная люстра, дорогие картины на стенах и несколько деревянных подставок, на которых красовались причудливые бонсаи... Все это производило впечатление.

— Надо бы отпраздновать встречу, —

взглянул Битман на Кесарева. — Ты как?

— Конечно!

— Где сядем? Здесь? На кухне?

— Давай на кухне, — зябко повел плечами Кесарев, — здесь как-то прохладно для душевной беседы.

Пока Битман быстро и со знанием дела накрывал стол, Бес молча курил, наблюдая за его уверенными движениями.

Стол был накрыт на славу. Мясные деликатесы, маринованные и свежие овощи, оливки, севрюга горячего и холодного копчения, различные соусы и целая батарея напитков.

— Что будешь пить, Толя? — вопросительно взглянул Битман на Кесарева.

— Водку!

— А какую? — улыбнулся Григорий Александрович.

— На твой вкус...

— Тогда «Лимонную», — протянул Битман руку к только что извлеченной из морозилки запотевшей бутылке.

Он налил водку в весьма вместительные рюмки.

— За встречу, Толя! И за тех, кто на зоне!

— За встречу, Гриша! И за тех, кто на зоне! — чокнулся с ним Бес и опрокинул холодную, пахнущую лимоном жидкость в рот. По пищеводу

пробежала ледяная волна, которая тут же перешла в приятное тепло.

Поставив рюмку на стол, Кесарев с удовольствием закусил малюсеньким маринованным огурчиком, который так приятно хрустел на зубах.

— Ты когда вернулся, Толя? — налил Битман по второй.

— Сегодня. — Кесарев положил себе севрюгу и полил ее каким-то никогда им не виданным соусом. — Удивлен?

— Если честно, — не стал кривить душой Битман, — то да! Не такая уж я крупная птица, чтобы ко мне прилетали такие орлы... Да еще к первому!

— Ну, ты не первый, — загадочно усмехнулся Бес, доставая из пачки сигарету.

Неожиданно Григорий Александрович вспомнил тот вечер, когда впервые встретился с веселым и респектабельным Кесаревым, напоминавшим скорее представителя какой-нибудь богемной профессии, нежели авторитета, живущего по законам преступного мира.

Внимательно выслушав Григория Александровича, Бес попросил его тогда быть завтра дома до трех часов. А потом выпил с ним в честь знакомства рюмку коньяка.

Правда, в тот вечер Битман не очень-то

поверил Кесареву. Слишком уж легковесным он ему показался. И спал в ту ночь плохо. Да и откуда ему было взяться, сну-то? Ведь на него «наехал» сам Лом, обложивший данью многих деловых людей в Сокольниках и постоянно поднимавший проценты. И платили... А что делать? Нашелся один смелый, так по странному стечению обстоятельств уже на следующий день угодил под машину.

И каково же было его удивление, когда на следующий день этот самый Лом заверил Григория Александровича, что рассматривает имевший между ними место инцидент как досадное недоразумение.

С того дня никто не тревожил Григория Александровича подобными недоразумениями. А самого Беса он увидел только через полгода.

Тот встретил Григория Александровича как старого и доброго знакомого. И после официальной рюмки коньяка предложил работать на него.

Битман сразу же согласился. Конечно, он предпочел бы работать один. Если бы не несколько «но»...

Времена менялись, и кустарям-одиночкам, каким являлся до сих пор Григорий Александрович, постепенно приходил конец. В Москве и области начиналась серьезная борьба за разделы и переделы сфер влияния. Все они подпадали так или иначе под

чьи-то интересы.

За три года он часто встречался «по роду службы» с Кесаревым и проникся к нему самым настоящим уважением. Совершенно лишенный позы, что было весьма нехарактерно для многих авторитетов, привыкших к власти, Бес был умен, разборчив в людях и на крайность шел только тогда, когда иначе было уже нельзя.

И вот теперь он вдруг явился к нему чуть ли не с поезда.

— Что ж, Гриша, — наконец проговорил Бес, — ты не ошибаешься. Это действительно я. И пришел я к тебе, чтобы ты меня просветил.

— Как это? — искренне удивился Битман.

— А так, — продолжал Кесарев, — рассказал бы, что тут у вас творится.

Он выпил еще одну рюмку и, зацепив вилкой маленький, упругий огурчик, покрытый микро-скопическими пупырышками, аппетитно похрустел им.

— Слишком многое, я смотрю, изменилось за это время.

Да, за прошедшие восемь лет много воды утекло. И крови. Сейчас в столице правили иные короли, и занять свое место под солнцем было нелегко. Даже Бесу...

Выслушав обстоятельный рассказ Битмана, Кесарев перевел разговор в другое русло.

— Ну а ты чем занимаешься? — налил он очередную порцию «Лимонной».

— Я, Толя, — усмехнулся оживившийся Битман, — стал в некотором роде банкиром! Владею небольшим частным банком... под контролем Креста, конечно! — поспешил помянуть он лидера своей группировки, которому уже уделил достаточно внимания в ходе беседы с Бесом. — И премного этим владением доволен!

Григорий Александрович еще долго рассказывал с интересом слушавшему его Бесу о своей жизни и даже похвастался сыном, который заканчивает аспирантуру экономического факультета Московского университета.

Спать они легли под утро, благо что Григорию Александровичу, превратившемуся благодаря демократии из шейлока в банкира, спешить на службу уже не было никакой необходимости. Начальство, как известно, не опаздывает...

Глава 7

Кесарев жил на тихой Суворовской улице в по-строенной в начале восьмидесятых годов двенадцатиэтажной башне.

Строго говоря, это была уже новая квартира, полученная матерью после слома ее дома на

соседней улице, носившей нелепое название — улица Девятая рота.

Именно здесь, где Толя Кесарев много лет назад играл в футбол и в хоккей, когда-то маршировали brave усачи девятой роты Преображенского полка. Возможно, и сам первый перестройщик не раз громыхал здесь своими ботфортами.

Из Сокольников Кесарев доехал до Преображенки на метро. Ему очень хотелось подойти к дому именно со стороны площади.

Купив у выхода из метро газеты и несколько роскошных букетов роз, он перешел на другую сторону.

Повернув к кинотеатру имени Моссовета (знаменитый «Орион», где в свое время собиралась вся преображенская и окрестная шпана, был давно сломан), он вдруг услышал, как его окликнули:

— Толя!

Это была Галька Назарова, с которой он учился в школе. Конечно, теперь уже не Галька, а Галина Михайловна, но... для Беса она навсегда осталась Галькой.

И эта неожиданная встреча несказанно обрадовала его. Он даже увидел в ней некое доброе предзнаменование.

Обняв когда-то любившую его пятидесятилетнюю женщину, он поцеловал ее и

протянул ей розы.

— Да ты что, Толя? — На глазах Гальки блеснули слезы. — Не надо! Тебе ведь они, наверное, для дела нужны!

— Надо, Галька, еще как надо! — улыбнулся Кесарев, стараясь скрыть охватившее и его волнение. — А цветы для того и предназначены, чтобы дарить их женщинам!

— Сколько же мы не виделись, Толя? — спросила вдруг Назарова. — Десять? Двенадцать?

— Около того, — улыбнулся Кесарев.

— А ты... — нерешительно начала было она.

— Да, Галя, — не стал обманывать ее Кесарев. — Я только что вернулся из колонии.

Они помолчали, думая об одном и том же. Неисповедимы не только пути Господни...

— А как у тебя дела? — снова улыбнулся Кесарев.

— Все нормально, Толя, — как-то уж слишком быстро произнесла Назарова, и Кесарев понял, что до нормальности у Гальки, по всей видимости, далеко.

Жизнь у Гальки не сложилась. По-своему, конечно. Она очень долго не выходила замуж. И вышла только потому, что не выходить уже было нельзя. И до сих пор... любила его, Толю Кесарева, с которым когда-то целовалась в сквере. И пригласи он ее сейчас к себе...